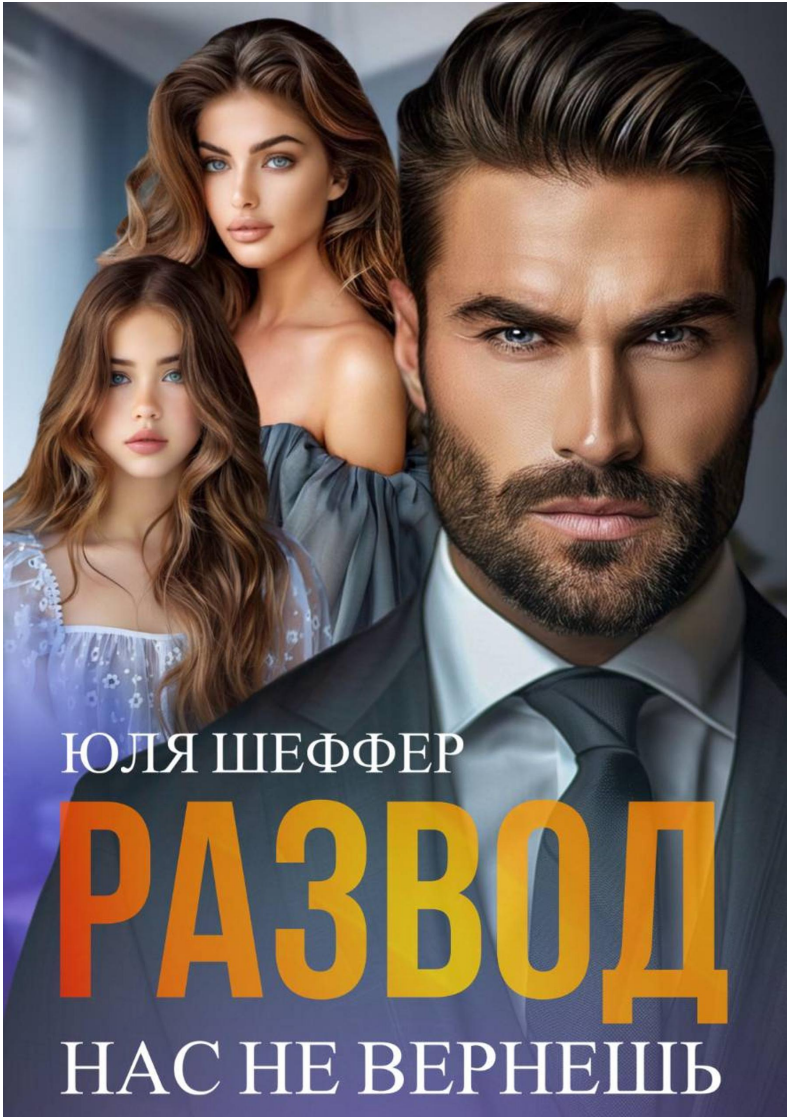

ЮЛЯ ШЕФФЕР
РАЗВОД
НАС НЕ ВЕРНЕШЬ

Юля Шеффер
Развод. Нас не вернешь

https://litres.ru/74751772
SelfPub; 2026

Аннотация

- Мне нужен развод. У меня ребенок от другой женщины, - услышала я от мужа, вернувшегося из очередной командировки.

Так я узнала о том, что он давно мне изменяет.

А еще о том, что его ребенок родился не вчера. Его сыну уже полтора года, и муж переезжает к нему в Чехию.

Думаете, хуже быть не может? Может.

Через год после развода, который так хотел, муж вернулся и утверждает, что любит нас с дочерью и хочет вернуть.

Неужели бывший думает, что я настолько не в себе, что пущу его обратно?!

Пусть не мечтает!

Содержание

Пролог	4
Глава 1. (Не)втроем	11
Глава 2. День сюрпризов	15
Глава 3. Второй шанс	19
Глава 4. Чешки-потеряшки	25
Глава 5. Можно случайно забыть	30
Глава 6. Такие разные слезы	34
Глава 7. Черная дыра	39
Глава 8. Немужской поступок	44
Глава 9. Подлюк	50
Глава 10. Подачка	55
Глава 11. Договор	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Юля Шеффер
Развод. Нас не вернешь

Пролог

- Мне нужен развод, - поставив допитый бокал на стол, неожиданно выпаливает муж.

Десертная вилка, которой я пытаюсь собрать последние крошки ломкого слоеного десерта, со звоном падает на тарелку, а я вскидываю изумленные глаза на мужа.

Мне же это послышалось?..

Какой развод? Нет. Не может быть! Слух, явно, подвел меня.

- Что?.. - спрашиваю, силясь улыбнуться, но губы не слушаются.

Страх сковал их, несмотря на то, что я уверена - муж сказал совсем не это. Он просто не мог. Он…

- Мне нужен развод, - повторяет Антон, поджав губы.

Нет, мне не показалось… От его слов и сурового взгляда сердце ухает вниз и возвращаться на место не собирается.

Что это?..

Как?

- У меня ребенок от другой женщины, - окончательно до-

бивает меня.

Я таращусь на него, приоткрыв в ужасе рот, потому что переварить услышанное не в состоянии. Что он такое говорит? Как это возможно? Когда он успел?! Я… Мысли как-то резко заканчиваются, остается одна: если это шутка, то очень не смешная…

- Какой другой женщины? Как-кой ребенок? - все еще не верю я, что это все взаправду.

Что все это происходит наяву. Со мной.

- Ты это серьезно? Ты… - начинаю я, но осекаюсь - какие могут быть вопросы после сказанного?

Да и зачем?!

Даже если у него есть ответы, разве они что-то изменят для меня, объяснят?

Я не хочу ничего знать. Я хочу вернуться на минуту назад и никогда не слышать этих слов от него. Просто не слышать.

Даже оглохнуть навсегда, наверное, было бы лучше, чем вот это вот…

- Только давай без истерик, Полина, - морщится муж пренебрежительно, я бы даже сказала брезгливо. - Мы взрослые люди, вот и давай разговаривать как взрослые.

А я смотрю на него и не узнаю.

Разве это мой муж?..

Разве его мы с дочкой так ждали, встречали в аэропорту?..

Антон только что вернулся из командировки в Чехию, куда часто мотается по делам своего пивного бизнеса. Я при-

готовила дома праздничный ужин, надела на дочь нарядное платье, сама тоже принарядилась. Укладка, макияж, новое платье, новое белье…

И вот, когда все съедено, вино "за возвращение" выпито, а дочь играет у себя в комнате с новыми игрушками, которые ей привез любимый папочка, муж сообщает мне "новость".

- Конечно, - пытаюсь я улыбнуться - меня задевает его пренебрежение. - Ты отец двоих детей, тест на взрослость пройден успешно. Поздравляю.

- И без твоих ироничных шуточек тоже давай обойдемся, - вновь кривится он.

- Подробности расскажешь? - подавив комок в горле, верный предвестник наступающих слез, интересуюсь я с нарочитой живостью. - Мальчик или девочка, какой вес, когда родился? Хорошо ли себя чувствует молодая мама?

- Она не молодая, - возражает он и тоже осекается.

Поняв, видимо, как странно это прозвучало.

- Так ты со старушкой связался? Тогда даже не спрашиваю, чего тебе не хватало, - язвлю я.

- Не со старушкой, не передергивай. Я не то хотел сказать.

- А что? - слова льются из меня против воли.

Знаю, что самое лучшее для меня сейчас молчать и выслушать его, но не могу себя заткнуть. Это обычная реакция на стресс. Иногда я замыкаюсь в себе, а иногда меня прорывает.

- Мой ребенок не сегодня родился.

- Конечно. Нашей Тасе уже седьмой год.

- Мой второй ребенок, - огрызается он. - Моему сыну уже полтора года.

На этих словах меня припечатывает к стулу, на котором сижу.

Сыну… Полтора года?! То есть… В голове лихорадочно щелкает калькулятор - девять месяцев до родов и полтора года уже, а еще какое-то время на то, чтобы познакомиться и повстречаться прежде, чем забеременеть. Ну, как принято у "взрослых".

Это что, Антон изменяет мне уже около трех лет?! Даже чисто математически вряд ли сильно меньше…

Эта мысль не умещается в голове. Я не могу ее осознать и поверить.

Три года?!

Нет. Быть этого не может. Это… какой-то бред. Какая-то злая шутка. Нереальность. Я не верю!

- Кто эта женщина? - спрашиваю резко подсевшим голосом.

Держать такой удар нелегко…

- Какая тебе разница? Ты ее не знаешь.

- Ну хоть за это спасибо. Что не среди моих подруг выбирал…

- Было бы из чего там выбирать, - парирует он и вновь эта пренебрежительная ухмылка.

И я не понимаю, чем она вызвана - то ли намеком на то,

что у меня нет подруг или их слишком мало, то ли на то, что они некрасивые. Хотя о чем я думаю, вообще?! Мне обидно, что мужу не нравятся мои подруги?! Я в себе, вообще?! Но не исключено, что уже нет…

Я поднимаюсь со стула с высокой спинкой и пытаюсь уйти с кухни. Не уверена, что если еще останусь, то не разревусь прямо при муже. Не хочу показывать ему свою слабость. Не хочу, чтобы он видел мои слезы.

- Она из Праги, - останавливают меня его слова, брошенные мне в спину. - Ее семья владеет пивоварней. Мы встретились там в одной из командировок, ну и… закрутилось.

- Закрутилось?! - оборачиваюсь я и смотрю на него полными ненависти глазами. - Ты называешь это "закрутилось"? Ты изменил мне, Воронцов! Более того, ты мне изменял! Имел продолжительную связь с другой женщиной в другом городе, куда с такой регулярностью летал в командировки. А еще вид делал, что они так тебя напрягают. Что ты страдаешь каждый раз, когда злое начальство вновь отправляет тебя туда. Так это была показуха?! Такая ложь, сказочка для дуры-жены, чтобы я не заподозрила ничего? Скажи мне! - почти ору, на секунду забыв о дочери.

О моей маленькой девочке, ничего не подозревающей о том, что прямо в эту секунду рушится наша семья.

- Да, - муж тоже отвечает раздраженно громко.

- Я-то думала, ты так стараешься ради нашей семьи, - горько заключаю. - Что себя не жалеешь, надрываешься ради ме-

ня, ради нас и Аськи, а ты… Ты завел там вторую семью и хочешь променять нас на нее. Ты просишь развода, чтобы…

Я не договариваю фразу, обрываю ее. Да и нечего мне договаривать. В моей голове нет сценария, как могут развиваться такие отношения. Знает ли эта женщина о том, что ее любимый женат или он обманывает ее так же, как меня. Не говорит, что в России у него тоже есть ребенок. Правда, не мальчик. Тут ей, конечно, повезло больше. Первый ребенок и сразу джек-пот.

Нет, я не считаю, что девочки - это плохо. Я обожаю Таську и Антон тоже… тоже обожал. Но иногда он проговаривался, как хочет сына. Как не хватает ему мальчика, чтобы вместе играть в машинки, собирать конструкторы и делать модели из бумаги. Мы хотели второго ребенка, но вместе решили подождать, когда Тася чуть-чуть подрастет. Чтобы у них не было ревности, чтобы ей не доставалось меньше внимания.

И вот как раз сейчас настал такой момент, когда уже можно. Тасе скоро в первый класс, она будет уже почти самостоятельная, и лучшего времени для второй беременности не придумать. Но… муж решил эту проблему по-своему.

Он не стал ждать.

Он просто нашел для сына другую мать, у которой нет плана по зачатию. Но ведь это не я так хотела, мы решили это вместе! Вдвоем!

Антон сам говорил, что сейчас не время, что он много времени проводит в разъездах, командировки каждый месяц, и

что мне не справиться одной с двумя детьми.

Он говорил это мне, а в это же время… заделал ребенка другой женщине…

- Готовь бумаги, - не оборачиваясь, роняю упавшим голосом. - Я все подпишу.

Глава 1. (Не)втроем

- Таюш, завтракать! - зову дочь, которая, как обычно, застряла в ванной.

Умывается моя девочка всегда очень тщательно и методично, но из-за этого мы выходим поздно и лишь чудом не опаздываем в школу.

- Хватит уже зубы полировать, эмаль сотрешь, - улыбаюсь, заглядывая к ней и видя, как забрызгано зубной пастой большое зеркало. - Чего ты тут так надолго застряла?

- Мама, дело вовсе не во мне. Ты же знаешь, папа тоже всегда подолгу умывается и чистит зубы. Что поделаешь - гены… - преувеличенно вздыхает моя не по годам умная малышка.

Эти ее слова как скальпелем по сердцу - папа тоже…

Ее папы нет с нами уже год, но мы по-прежнему о нем вспоминаем. Не я - Тася, и уже не так часто, как раньше, когда он только уехал, но это не отменяет того факта, что Воронцов по-прежнему незримо присутствует рядом, как будто нас все еще трое. Как будто он не ушел от нас навсегда, а просто уехал в командировку и скоро вернется.

Если бы это зависело от меня, то я бы сделала все, чтобы забыть о бывшем муже как можно быстрее, вычеркнуть из нашей жизни, как он без сожаления вычеркнул нас, но дочь любит отца до безумия, и мне приходится с этим считаться.

Хотя каждое ее упоминание о нем заново вскрывает мои не успевающие затянуться раны.

Время идет, но вспоминать о том разговоре на нашей кухне и обо всем, что было после, все еще болезненно.

Хотя сам развод прошел быстро и просто. Если говорить о формальностях, а не о чувствах.

Морально я была раздавлена и в тот месяц существовала, скорее, как зомби, чем как человек. Меня ломало и разрывало от боли и унижения - мой муж предал меня. И нашу дочь. Он изменил, он спутался с другой женщиной, он завел другого ребенка, он отказался от нас. Эмоционально я была на дне, но на бумаге все получилось легко.

Я, как и сказала тогда Антону, подписала заявление, подготовленное его адвокатом, не стала препятствовать его скорейшему переезду в другую страну и воссоединению мужа с его новой, очевидно, более любимой, семьей. А зачем? Он сделал свой выбор - пусть убирается!

По имуществу мы тоже договорились без проблем, хотя я, если честно, ожидала подлянок с его стороны.

Мы не заключали брачный договор, наши отношения с самого начала были построены на доверии и любви, и нам даже не приходило в голову, что мы когда-нибудь разведемся, а следовательно, зачем нам какой-то контракт? Мы были уверены друг в друге и что он нам не пригодится, что мы проживем вместе всю жизнь, и умрем в один день. Но, как оказалось, в это верила только я…

Глупая и наивная дурочка.

Муж не собирался выполнять клятвы, которые давал мне на нашей красивой церемонии в парке у фонтана…

Мы оба в тот день были в белом, но у него оказалась черная душа…

И когда узнала, что муж долгое время обманывал меня самым подлым образом, когда он потребовал развода, я боялась, что и в отношении раздела совместно нажитого имущества он тоже проявит подлость и захочет отобрать у нас с Таськой квартиру. И я, и мои родители, и подруги, и коллеги - все, кто знали о разводе - ждали от него худшего и предупреждали меня, но Воронцов нас всех удивил. Он оставил мне и квартиру, подарив свою долю в ней Таисии, и машину, за которую к тому же сам продолжил выплачивать кредит.

Гордость кричала мне, что нужно отказаться от этого его благородного жеста, что нам не нужны его жалкие подачки - уходя уходи, мы справимся сами, - но советы друзей и здравый смысл говорили о другом. И все же взяли верх.

Без машины мне было бы гораздо тяжелее одной с дочерью, а платить за нее самостоятельно из своей зарплаты я бы не смогла. Плюс нужно было бы переоформлять кредит на меня, а это дополнительные проволочки и - главное - встречи с бывшим, которых я, понятное дело, стремилась избежать.

Тая залпом выпивает уже остывший какао:

- Видишь, как я быстро?

- А бутерброд?

Дочь хватает один из двух приготовленных для нее с тарелки и топает в коридор надевать обувь:

- В машине доем.

Высадив Таюшу недалеко от входа в школу, провожаю ее взглядом до того, как она приложит свою школьную карту к считывателю электронного замка на воротах, и только когда железная дверь за ней закрывается, я еду на работу.

Но на душе как-то неспокойно. Какое-то неприятное ощущение внутри.

Что это? Беспокойство за дочь?

Но с ней все хорошо, я видела ее пять минут назад.

Тогда что?

Глава 2. День сюрпризов

Неприятное чувство улетучивается, когда, войдя в кабинет, я обнаруживаю на столе высокий картонный стакан с моим именем на боку, от которого божественно пахнет свежесваренным кофе.

Улыбаясь, ставлю на тумбочку сумку и набираю внутренний номер Константина, руководителя корпоративного отдела безопасности.

Я знаю, что это мог принести только он.

- Привет!

- Доброе утро. Спасибо за кофе.

- Какой кофе? - натурально удивляется Обухов.

- Который волшебным образом стоит у меня на столе.

- Почему ты решила, что он от меня? - судя по улыбке в голосе, он уже не отнекивается, а всего лишь интересуется ходом моей мысли.

Профессиональный интерес?

- Потому что мало кто еще знает, что я люблю капучино на миндальном с соленой карамелью.

Это правда. Не самый частый мой выбор. Обычно я пью кофе без добавок, но в киоске на входе в наш бизнес-центр, где делают кофе на вынос, мне нравится именно этот вкус - бариста очень рекомендовал, и я решила попробовать. И подсела.

Теперь беру его каждое утро, и там же часто встречаю Костю, тоже страстного любителя кофе, поэтому он неоднократно слышал, что я заказываю.

И вот, видимо, решил сделать мне приятное. И мне, правда, приятно. Но что это - подкат?.. Очень милый, стоит признать. От этой мысли я чувствую, что краснею.

- Может, и мало. Но вряд ли я - единственный, - возражает он.

- Наверное, не единственный. Но из тех, кто знает, еще меньше тех, у кого есть ключи от всех кабинетов, и моего, в том числе, - выкладываю я последний свой аргумент.

- Подловила, - смеется он. - Может, пообедаем сегодня вместе? Ты расскажешь, что еще ты любишь, кроме капучино с карамелью.

Он так резко меняет тему, и его предложение столь неожиданно, что я теряюсь.

Не знаю, что ответить, поэтому тупо переспрашиваю:

- Пообедаем?

- Ну да. Или ты предпочитаешь ужинать? - неуловимо меняется его голос, смущая меня еще сильнее.

Боже! Что ему ответить? Согласиться или отказать? И если отказать, то чем аргументировать? Обижать его не хочется - нам еще работать вместе.

"Но зачем же отказываться сразу?" одергиваю себя.

Хотя моя реакция понятна. После того, как обожглась с Антоном, я избегаю всех мужчин, кроме своего отца.

Я не хожу на свидания, не принимаю комплиментов и пресекаю малейшие намеки на флирт. Кто-то скажет, что я дикая. Но так, наверное, и есть.

Не хочу снова быть преданной…

"Но не все же мужчины одинаковы", снова возражаю себе мысленно.

Есть очень приятные внешне. И внутренне. И Костя - один из таких.

Высокий, широкоплечий, подтянутый, одевается стильно. Взгляд всегда слегка прищуренный, и когда он смотрит, кажется, будто он знает о тебе все, а еще он мало говорит - видимо, тоже издержки профессии. Короче, загадочный и красивый брюнет. Весь такой мачо. На него все девчонки в офисе заглядываются. Даже я…

Но он всегда такой отстраненный, неприступный. И вдруг это приглашение. Я должна бы радоваться, но я… боюсь. Сердце бьется учащенно, щеки пылают румянцем, я нервно кручу в руках его стакан с кофе.

Что сказать? Что сказать?!

- Я… - начинаю, понимая, что пауза затягивается, но входящий на мобильном прерывает меня.

Взглянув на экран, я замираю, забыв обо всем - на телефоне светится фотография, на которой мы с мужем целуемся на фоне водопада.

Мы сделали его во время одного из путешествий еще до рождения Таюши. И Антон сам установил мне его на свой

звонок.

Я не удалила его номер из контактов, просто забыла - он уже год как мне не звонил.

А сейчас зачем?!

- Полина, что-то случилось? Ты в порядке? - слышу встревоженный голос в трубке.

- Да, в порядке. На обед давай сходим, - убито мямлю я, и, не слыша, что Костя ответил, кладу трубку на базу.

Слепо таращусь на продолжающий звонить мобильник.

В ушах самопроизвольно включается запись его жестоких слов.

- Мне нужен развод.

- У меня ребенок от другой женщины.

- Моему сыну уже полтора года.

- Мы встретились в одной из командировок, и закрутилось.

Все это я слышала от него уже больше года назад, но мне больно так же, как тогда.

И я не уверена, наступит ли когда-нибудь день, когда эта боль утихнет.

Как не уверена сейчас, стоит ли отвечать на этот звонок.

Хочу ли я узнать, что нужно бывшему…

Глава 3. Второй шанс

- Что тебе нужно, Антон? - спрашиваю устало, садясь на стул напротив мужа в кафе, куда он меня позвал, когда я все же ответила на его звонок.

Я не хотела брать трубку, не хотела с ним встречаться, но я столько всего надумала с тех пор, как он позвонил, столько версий насочиняла, отвечая сама на свой вопрос, столько страху на себя нагнала, что решила-таки согласиться на его приглашение. Иначе изведу себя сама еще больше.

- Я соскучился по вам с Таськой, - как-то неправдоподобно робко улыбается он.

- Я не могу сказать за себя того же, - отвечаю честно, хоть это и звучит грубо.

Потому что нежностей и даже чуточку банального такта, в котором я обычно никому не отказываю, мой бывший муж не заслужил.

После всего, что он сделал и наговорил…

- Грубо, но справедливо, - ухмыляется он. - Мне всегда нравилась твоя честность, Воронцова.

- Я не Воронцова.

- Нет?

- Нет, - подтверждаю сухо, внутренне радуясь его растерянности.

- Ты вышла замуж?! - ширит он глаза от постигшей его догадки.

- А почему такое удивление? - мой голос невозмутим и холоден. - Ты считаешь, после тебя на меня никто не позарится?

- Нет. Нет, конечно. Просто не ожидал… Так ты скажи, ты замужем или нет? - давит он взглядом.

- Нет, Антон, я не замужем. Просто поменяла паспорт и взяла себе свою старую фамилию. Не хотела, чтобы меня с тобой что-то связывало. Даже это.

- Нас с тобой связывает дочь, Полина. И это никогда не изменится, - бесцветным голосом напоминает он и интересуется, поджав губы: - А у Таисии моя фамилия, надеюсь? Я все же ее отец.

- Ты не отец, ты… - но обидное ругательство я все же не произношу.

Не хочу опускаться до ругани и обвинений. Не хочу открывать этот ящик Пандоры - Антон наверняка в долгу не останется, и тоже скажет мне пару неласковых. Я лучше смолчу и тогда, есть надежда, наш разговор не затянется.

- Так что тебе надо от меня, Антон? Зачем ты приехал и позвал меня сюда?

- Я позвал тебя, чтобы поговорить.

- Это я поняла. Вот, мы оба здесь, мы разговариваем. Но ты до сих пор не сказал, что. Тебе. Нужно.

- Мне нужно, чтобы ты… - бывший муж поднимает на ме-

ня тяжелый взгляд, наблюдает за реакцией. - Ты должна дать мне второй шанс, Полина, - договаривает он, а я ловлю ртом воздух.

Настолько он шокировал меня своим заявлением. Просто выбил почву из-под ног.

Я не знаю, чего я ожидала от этого разговора, но точно не этого.

Второй шанс?!

Он серьезно?..

- Ты совсем не в себе, Воронцов? Какой второй шанс? - я даже поднимаюсь со стула, не в силах усидеть на месте от его новостей.

Он реально умом тронулся, если предлагает мне такое.

- Сядь, Полина, - просит он негромко, но убедительно.

Что-что, а командный голос у мужа - бывшего, разумеется - всегда был поставлен недурно. Славное армейское прошлое.

И я нехотя опускаюсь обратно на бархатный стул, но шиплю в ответ:

- Не приказывай мне! Я остаюсь только потому, что хочу узнать, что ты на этот раз придумал.

И я не кривлю душой.

Я реально не могу уйти, не узнав до конца, что ему нужно. На самом деле. Я уверена, второй шанс - только предлог. Или даже ширма для его реальных намерений. И я гадаю каких…

Я не сомневаюсь: раз он появился, у него есть какой-то

план. И чтобы помешать ему, я должна выяснить, что он задумал.

Потому что если в его план входить забрать Таисию… Я этого просто не переживу.

- Ничего не придумал. Просто осознал, что совершил ошибку, когда развелся с тобой, и захотел все ис…

- Ч-чего? - не верю я своим ушам. - Просто? Осознал? Ты слышишь себя, Воронцов? Ты называешь это "ошибся"? Когда конкретно - когда трахался с другой женщиной или когда вы вместе с ней решили завести ребенка?! Что из этого было ошибкой? Уж точно не наш развод, который стал лишь следствием предыдущих "ошибок", - я подчеркиваю последнее слово язвительной интонацией.

- Но это я настаивал на разводе. Я, а не ты. Я наговорил много лишнего, наделал глупостей… Прости меня, Полин. Я…

- Ты опоздал, Воронцов, - обрываю его извинительный - хотя, скорее, оправдательный - монолог, не желая потом снимать с ушей его отборную лапшу. - Опоздал с извинениями на целый год.

- Я знаю, что повел себя тогда как идиот. Но я, правда, запутался… Я… не понимал. Не осознавал, чего хочу. Я не планировал этого ребенка, не собирался. Но он родился. Мой сын, и я был счастлив, как любой отец. И это счастье сбило меня с толку. Подменило во мне все остальные чувства. Мне казалось, что быть с сыном - это то, чего я хочу.

То, что мне нужно. Но теперь я понял, что это было… помутнение, не знаю. Подмена желаний.

- А теперь ты прозрел? - не выдерживаю я.

- Я понял, что люблю только тебя. Что без тебя и Таськи, и нашей жизни втроем мне паршиво. Без вас я не я и я сделаю все, чтобы вас вернуть.

- Вернуть нас? После всего, что ты сделал? После того, как ты обидел дочь, думаешь, она будет с тобой разговаривать? Пустит тебя обратно? Ты… - я не нахожу слов, чтобы объяснить ему всей глубины его предательства.

Он предал не только меня, он предал свою дочь. Свою девочку, которая с самого рождения была папиной любимицей, папиной принцесской, которая всегда - чего скрывать? - его любила больше, чем меня. Да она его боготворила. Называла не иначе как "папочка", и вдруг он исчезает. Собирает вещи и уходит.

А я остаюсь вытирать ее слезы и отвечать на сто тысяч почему…

- Ты ушел от нас, Воронцов, - тихо произношу я.

Тихо и сухо. Без эмоций. Просто излагаю факты. Не чтобы наказать его, а чтобы он понял и отстал от нас с дочерью.

Навсегда.

- Ты больше не наша семья. Пойми это, Антон. У тебя нет права возвращаться и возвращать нас. Больше нет.

Сказав это, встаю и, забрав сумку со спинки стула, медленно, но уверенно иду к выходу из ресторана.

Я поставила точку в разговоре.
И в отношениях.
Никакой запятой не будет.
Адьос, Воронцов.

Глава 4. Чешки-потеряшки

- Что-о-о?! - восклицает моя подруга Татьяна, когда я рассказываю ей о своей встрече с Воронцовым. - Антоша твой, что, совсем охренел? Да как ему хватило наглости явиться к тебе со своими извинениями после всего, что он накуролесил год назад?

- Больше трех лет назад, - исправляю я. - И давай, пожалуйста, потише. Сейчас все наши бандиты сбегутся.

Мы с Таисией приехали к Репниковым, потому что дочь давно просилась в гости - поиграть с Татьяниными мальчишками. Они очень близки по возрасту: Димон - Таин ровесник, тоже первоклассник, только в другой школе, а Тимохе хоть и пока пять, но он не отстает от старшего брата, тянется за ним, поэтому опережает по развитию свой возраст. И вместе они могут играть хоть целый день.

Ну а мне, конечно же, нужно было с кем-то поделиться своими "новостями". Просто необходимо выговориться и посоветоваться. Не в смысле сомнений, возвращаться к бывшему мужу или нет - тут сомнений у меня никаких, как и никакой амнистии изменщику и подлецу, - но в плане, как вести себя с ним, чтобы он отстал, я от мудрого совета не откажусь.

Таня, может, для этой цели и не годится - сама никогда не разводилась, - но ближе нее у меня подруг нет.

- Ну да, - кивнув, соглашается она уже тише. - Фактически накосорезил твой Ган… Антоша гораздо раньше, но первые два с половиной года ты о его шашнях ни сном, ни духом ведь. Ездит себе мужик в командировки, деньги зарабатывает на лучшую жизнь, и ездит. Так что я бы не…

- Я никогда не относилась так к его отъездам, - перебиваю возмущенно, потому что не хочу, чтобы даже так ни у кого не складывалась картинка, что мне нравились длительные отлучки мужа. - Я очень скучала по нему, когда он уезжал, и Таюша тоже.

- Да, конечно, скучала. Я не говорю, что вы радовались тому, что папы так долго нет, - картинно всплескивает она руками. - Но никто же и мысли не допускал, что Антоша наш окажется слабым на передок и будет тра…

- Таня! - одергиваю ее.

Таська хоть и играет с мальчишками в другой комнате, но в любой момент может войти на кухню, где мы сидим за чаем с пирожными, которые мы принесли с собой, чтобы попить или за любимой печенюшкой, а я не хочу, чтобы она слышала подобные слова о своем отце.

Мне придется что-то ей врать, как-то выкручиваться, а мне противно. Отец ей постоянно лжет, кормит пустыми обещаниями, пусть хотя бы я буду с ней честной. Насколько смогу…

- Прости, - шепчет Таня. - Но согласись, Поль, он заслужил в свой адрес словечки и похуже.

- Соглашусь, конечно, - киваю я, - но не при детях же. В общем, я не знаю, что и думать, - делюсь с подругой сомнениями и тревогами. - Я не верю, что он действительно хочет помириться и вернуться. С чего вдруг? Год назад он требовал развода и как можно скорее. Я думала, он там жениться собрался на своей любовнице, а тут на тебе - явился. И просится назад. Не верю я его словам. Не верю и все.

- Почему? А что ты думаешь, ему нужно? - сводит брови Татьяна.

- Если бы я знала… Воображение подсказывает самое худшее, и я все эти дни как на иголках. Успокоительное горстями пью и каждую минуту жду какой-нибудь пакости от него или от его рыжей.

- А это шалава, что, тоже здесь? - таращит на меня глаза Танька.

- Не знаю. Он ничего про нее не говорил. Но после того, что она устроила, когда мы разводились, я уже ничему не удивлюсь. Она же обещала, что больше не отпустит его в Москву одного.

- Да, неадекватная баба, - согласно цокает Репникова. - Неужели польки все такие?

- Полька - это я, - улыбаюсь, - а она - чешка.

Татьяна тоже смеется. В комнату на наш смех вбегают мальчики и Тася.

- Мама, а чего вы смеетесь? - спрашивает раскрасневшаяся от непривычно подвижных игр дочь - дома она играет

тихо-мирно, а с пацанами они носятся по всей квартире, отстреливая друг друга из разного оружия.

Я вздрагиваю каждый раз, когда резиновые пули с треском отскакивают, попадая в стену. Звук очень громкий, а значит, удар резкий - а если такой в глаз?..

- Просто тетя Таня смешную историю рассказала, - улыбаюсь, протягивая ей стакан с водой.

- Какую?

- Про чешки, - опережает меня Танька. - Тапочки такие для танцев. Хочешь и тебе расскажу?

Тася кивает, и подруга сочиняет на ходу какую-то бессмыслицу про пару чешек-потеряшек, заблудившихся ночью в лесу. С серьезным видом она несет такую чушь, что даже я, слушая ее, загружаюсь.

- Разве это смешно? - дослушав небылицу до конца, хмурится Таська и смотрит на Таню волком.

- Твоей маме показалось, что да, - пожимает она плечами.

Дочь смотрит на меня с недоумением.

- У взрослых немного другое чувство юмора, малышка, - объясняю я и она, удовлетворившись ответом, убегает вслед за пацанами, сразу начиная оглушительно стрелять.

- Как же все-таки она на Антона похожа, - провожает ее взглядом Таня и смотрит на меня.

- Да, с годами все сильнее. Родилась больше похожей на меня - глаза и волосы, а потом поменялась. Сейчас и мимика такой же стала. Что удивительно - они ведь давно не обща-

ются, дочери не с кого копировать манеру говорить или другие жесты отца, но она так же улыбается, так же морщит нос, когда сердится, так же проникновенно смотрит в глаза… И характер такой же упрямый.

- Гены… - многозначительно заключает подруга, и с ней трудно не согласиться.

Глава 5. Можно случайно забыть

Этой ночью, как и три предыдущие, я опять долго не могу уснуть, вновь вспоминаю разговор с Воронцовым, раз за разом прокручиваю его в голове, и пытаюсь уловить тайный смысл в сказанных им словах. Снова и снова.

Нет, я не верю ему. И не понимаю.

Ну зачем он приехал? Ну что ему от нас нужно?

Эти вопросы я задала ему не один раз, но ни на один не получила ответа. Все его ответы свелись к одному - желанию вернуть нас с Тасей, - он твердит их заученно, как попугай. Но это настолько не реально, что даже звучит глупо.

Я решительно отказываюсь в это верить.

Антон не может быть таким идиотом, чтобы думать - даже на секундочку допустить мысль, - что я настолько сошла с ума, чтобы дать ему второй шанс, который он просит.

Снова впустить его в свою жизнь? Снова поверить ему?! После всего, что он сделал!

Нет, не сделал, а делал, долго и осознанно. Каждый месяц, а то и чаще, уезжая от меня и Таюши к своей Доминике, с которой сначала "перезагружался", как он сам сказал мне в одном из наших последних разговоров - отдыхал от рутины семейной жизни, - потом заботился о ней беременной. Интересно, а с ней он тоже ходил на все узи и другие процедуры, на которые маниакально сопровождал меня, когда я ходила

с Таськой? Да уж наверное. Ведь там он ждал сына…

И даже когда его долгожданный сын родился, Антон не рассказал мне о нем, не признался, а продолжал уезжать и возвращаться, полтора года ведя двойную жизнь!

И все это время он врал нам. Врал нам обеим. Нагло и беспринципно лгал в лицо. О том, как он безумно любит нас, как каждый день в этих поездках скучает по своей семье, как надеется получить повышение и перестать, наконец, мотаться по командировкам.

Каким он тогда казался искренним, и каким при этом был притворщиком…

Фу. Противно даже вспоминать.

И теперь этот человек просит простить его и дать второй шанс.

Нет. Нет и нет!

За кого он меня принимает?

За наивную дурочку, которой можно навешать лапши на уши, и она их развесит радостно?

Или думает, что, если прошло уже достаточно много - для кого? - времени, то я все забыла и простила?

Сегодня на обеде я листала ленту новостей в соцсети, и мне попался пост с фразой, которая идеально легла на мое настроение. Просто слоган моей жизни последних дней:

"Если долго не видеть человека, то можно случайно забыть, что он дерьмо".

Если Воронцов рассчитывает на это, то у меня для него

плохие новости - мы не так уж долго не виделись. За прошедший год я ничего не забыла.

И не намерена прощать.

Или он рассчитывает, что я все это время тоскую по нему, не могу забыть и только и жду, когда же мой любимый муж ко мне вернется? Тогда, конечно, я бы встретила его с распростертыми объятиями. Но это не мой случай. Не мой сценарий.

Я давно освободилась от Воронцова, давно забыла о нем и живу своей жизнью. Я выжила в нашем браке и живу дальше.

"Серьезно?" возражаю сама себе. "Может, у тебя и мужик новый завелся? Себе-то хоть не ври".

Мужик не завелся. Но надеюсь, предъявлять его никому не придется.

Да и вообще, чтобы идти дальше, вовсе необязательно при этом влезать в новые отношения. Мне и одной хорошо. Тем более я не одна, а с Таюшей.

Но даже про себя это звучит не очень, я понимаю. И что я буду делать, если просто так Антон не отстанет?

Нет, я правда пережила наш развод. Это было трудно, но я справилась, я преодолела себя и свою боль, выплыла на поверхность из бездны, в которую Воронцов меня скинул своим предательством. Меня, даже не умеющую плавать.

Все годы, что мы были в браке, он обещал меня научить, но едва не утопил своими действиями.

Я не знаю, как я выжила в те дни, но я выжила и не позво-

лю Антону вернуться и вернуть меня в тот период обратно.

Не позволю!

Но уже позволяю, если продолжаю думать о нем в ущерб себе и своему сну.

А мне, как всегда рано вставать, собирать дочь в школу, отвозить и потом мчаться на работу через пол-Москвы. Но здравая мысль меня не впечатляет и не задерживается, ее быстро затирают новые раздражающие мысли о Воронцове.

Чтобы прогнать их, встаю и иду на кухню, чтобы выпить воды. Даже задумываюсь, а не принять ли мне успокоительное. Слабенькое, не какие-нибудь транквилизаторы, просто чтобы помочь себе уснуть. Типа валерьянки или других каких травок. Но пока колеблюсь, телефон, который на автомате таскаю везде с собой, вибрирует.

Удивленно поднимаю его к лицу, снимаю блокировку и застываю, уставившись в экран - на нем сообщение от бывшего мужа.

Теперь его чат без фотографии - я убрала ее сразу же после его звонка.

Никаких больше поцелуев с ним, даже на фото.

Провожу пальцем по экрану - сообщение открывается, но все остальное во мне сжимается от неконтролируемого страха.

"Знаю, что тебе нужно время подумать, не тороплю. Но я хочу увидеть дочь".

Глава 6. Такие разные слезы

И снова эти мысли по кругу.

Но теперь к ним примешиваются другие - о Таюше. О ее реакции, ее чувствах, ее ожиданиях… Ведь он же может снова ее обмануть - появиться и… растаять в тумане. Это если он не задумал какой-то другой подлости…

Беспокойство за дочь достигает какие-то космических объемов.

Как отнесется моя малышка к возвращению ее блудного папочки? Обрадуется, что он, наконец-то, вспомнил о ней, или, как я, лишь заново испытает боль его подлого предательства?

Я хорошо помню - словно это было только вчера, - как она страдала, как горько плакала, когда ее любимый папа уселся перед ней на корточки, и заглядывая в большие, полные доверия и обожания глаза, сказал, что больше не может с ней жить. Не сможет часто приезжать.

- Я остаюсь твоим папой, моя любимка, но сейчас мне нужно уехать. Я не знаю, когда приеду в следующий раз. Но мы с тобой будем созваниваться по видеосвязи. Как и раньше, когда я уезжал в командировки. Ты же будешь мне звонить?

- Буду. А когда ты приедешь?

- Я не знаю, любимая. Как только смогу.

- А это скоро?

- Я буду стараться приехать как можно быстрее. Очень-очень стараться.

- А на мой день рождения приедешь? Мне уже будет семь!

- Обязательно, - горячо пообещал Антон и подставил ей ладонь "дай пять".

Таюшка ударила по ней со слезами на глазах. Но это были слезы надежды.

Которые рухнули…

И когда она рыдала, не желая выходить из комнаты на свой седьмой день рождения, потому что папа не приехал, это были уже совсем другие слезы. Обиды, разочарования, непонимания.

- Папа обещал! Он не может меня обмануть! Он никогда, никогда меня не обманывал! - кричала она и била кулаками по мокрой от слез подушке.

А я поглаживала ее по плечу, по завитым модно и красиво уложенным волосам - прическу она тоже делала ради папы. Хотела, чтобы он заметил и был восхищен.

Я сомневалась, что Антон приедет, потому что он не отвечал на мои сообщения, и все же не смогла лишить ребенка надежды. Пусть и ложной.

Потом, конечно, я думала, что зря не сказала ей сразу, чтобы она не ждала его напрасно. Но как можно своими руками разрушить ее надежду? Ее ожидание. Она жила этим днем. Она буквально зачеркивала дни на календаре со "Ска-

зочным патрулем", я просто не нашла в себе сил растоптать ее веру в чудо.

А потом давилась горючими слезами, глядя на то, как моя девочка страдает от очередного обмана ее отца.

И я точно не позволю ему проделать такое еще раз.

Но и скрыть от нее его приезд и желание увидеться не могу тоже. Он все-таки ее отец. И если мне плевать на его право видеться с дочерью, то на ее право, спустя почти год, увидеть отца, я покуситься не могу.

Будет хуже, если она узнает об этом не от меня. Может обозлиться и не простить, что я скрыла от нее это.

В общем, я должна рассказать ей. У меня нет иного выхода.

Но утром поговорить с дочерью не удается - выпив-таки ночью снотворное, я просыпаю и времени на разговоры просто нет. И я ищу подходящее время вечером после ужина - нужно же узнать у Таси, как вообще, она отнесется к идее встретиться с отцом. Мы давно не говорили о нем. Не потому, что я избегаю упоминаний, а потому что она сама никогда не заговаривает, и я лишний раз не бережу ее рану.

- Таюш, - зову дочь, пробегающую мимо моей комнаты на кухню. - Подойди ко мне, солнышко.

- Сейчас, мам, я только "барни" возьму.

- Но "барни" же нельзя есть в своей комнате, он же крошится. Ты помнишь?

Дочь театрально вздыхает.

- Жаааааль… Забыла. Ну ладно, - подходит и залезает ко мне на колени. - Что ты хотела, мамочка?

- Я хотела у тебя спросить - ты скучаешь по папе?

Она резко поворачивается и заглядывает мне в лицо.

- По папе? Он, что, звонил?

- Почему ты решила? - улыбаюсь я дерганно, не ожидая, что она так сразу сообразит.

Я не готова к такому повороту диалога. Обманывать ее не хочу, я так решила, но и выспросить окольными путями тоже, похоже, не получится. Придется признаваться.

- Ну, ты обычно не спрашиваешь о нем. Я уже и не помню, когда в последний раз мы говорили о папе.

- Но он же все еще твой папа, он у тебя есть. И мне интересно, думаешь ли ты о нем.

- Думаю иногда, - пожимает плечами дочь, но на меня в этот момент не смотрит.

Старательно отводит взгляд, а ручки сжимает в кулачки - я знаю, так она прячет эмоции. Обманывает меня…

Но я и без этих сигналов ее тела не сомневаюсь - Таисия слишком любит отца, чтобы так быстро его забыть.

Я знаю, что ей его не хватает, слышу, как иногда она плачет ночами. Но когда прихожу к ней, дочь делает вид, что все хорошо. Что мне показалось. Значит, это не дурной сон и не что-то болит - это бы она скрывать от меня не стала. Незачем. А вот слезы по отцу могла. Она давно поняла, что это больная тема. Моя маленькая, но такая взрослая девочка…

- А если бы папа, - осторожно подвожу я к главному, - ну… позвонил или приехал навестить тебя, ты бы хотела увидеться с ним?

- Нет! - резко отвечает, спрыгивая с колен.

Разворачивается, смотрит глазами, в которых столько злости, столько… ненависти?..

- Нет! - повторяет. - Нет! Нет! Не хочу его видеть, не хочу с ним разговаривать. И не буду. Пусть даже не появляется.

- Тая, - я поднимаюсь, шагаю к ней, но она отпрыгивает, будто я - угроза. - Таюша, я…

- Нет! Я не хочу. Не хочу! - и она, заревев, убегает от меня в свою комнату.

Глава 7. Черная дыра

Опешив от такой реакции, застываю на месте на какие-то доли секунды, а потом срываюсь за ней. Пытаюсь догнать, остановить, обнять и защитить, но дочь захлопывает дверь у меня перед носом, и я не успеваю ничего даже сказать.

- Тая… - пытаюсь позвать, но осекаюсь - она сейчас все равно меня не услышит.

И не откроет. Поговорю с ней, когда моя девочка остынет и будет готова к диалогу. Сама. Принуждать ее к разговору, уговаривать бесполезно - только замкнется в себе или, что хуже, сменит проекцию своей неприязни с отца на меня.

Мне это надо? Однозначно нет.

Поэтому не пытаюсь достучаться до нее сейчас и просто замираю под дверью, прислушиваясь.

Стою несколько минут, но из-за двери тишина, рыданий не слышно.

Это обнадеживает. Но…

Но что с ней такое? Почему Таська так категорично настроена против отца? Откуда эта ненависть? И почему именно сейчас?

Я впервые слышу, чтобы она говорила о нем в таком тоне. Что-то случилось? Может, я чего-то не знаю?

Может, он связывался с ней без моего ведома и что-то наговорил?..

От ужаса я даже перестаю дышать и понимаю это лишь когда начинаю задыхаться. Хватая ртом воздух, убегаю на кухню и там только прокашливаюсь.

"Нет", успокаиваю сама себя. "Это бред. Пустые страхи. Антон не мог".

Не в смысле не мог по моральным принципам (ха-ха) или по закону - это все он очень даже мог, - но нельзя связаться с человеком, контактов которого не имеешь.

А у Воронцова их нет.

Будь Таюша до сих пор в садике, он мог бы прийти туда, а в какой она учится школе он не в курсе. Трудно быть в курсе, если за год ни разу не поинтересоваться дочерью и ее делами. И номера ее телефона, купленного перед школой, я тоже ему не сообщала.

Так что с этой стороны подвохов от него ждать не стоит.

Тогда в чем дело?

Кто-то что-то сказал ей? Она что-то услышала от меня или кого-то другого?

Когда Воронцов бросил нас, когда мы официально развелись, я все ей рассказала.

Я просила его сказать ей все честно, но у него не хватило на это смелости. Или ему просто было уже пофиг. Тогда мне подобное и в голову не пришло, мне казалось, их связь отца и его любимой дочурки, которую он обожает и постоянно балует, нерушима. Но теперь знаю, что ошибалась.

Любимую дочурку не вычеркивают из жизни в один день.

Правило "с глаз долой - из сердца вон" в этом случае работать не должно. Однако сработало…

Или я не знаю, что с ним произошло, что он пропал насовсем.

Но рассказывать Таське правду пришлось мне.

- Папа больше меня не любит? - спросила она тихо, часто-часто хлопая блестящими от слез глазами.

- Конечно, любит, малышка! - горячо убеждала ее я, тогда еще сама в это веря.

- А почему тогда он бросил нас?

- Он бросил не нас, а меня, - воя внутри себя от боли за нее, и за себя, я силилась улыбнуться.

И, не зная, куда деть ставшие вдруг ненужными руки, поглаживала ее по волосам и коленке. Это был тяжелый разговор.

- Так случается, Таюш. Взрослые иногда ссорятся друг с другом и больше не хотят жить вместе. Это не значит, что он хочет быть с тобой.

- А что значит?

- Что он будет рядом не каждый день. Он теперь живет в другой стране, в Чехии. Но он обязательно приедет к тебе.

- А он возьмет меня к себе в Чехию?

- Конечно, возьмет, - подтвердила дрогнувшим голосом. - Когда подрастешь.

От этого вопроса у меня сжалось сердце и скрутило внутренности. Это то, чего я боялась больше всего - что Антон

захочет забрать ее у меня и будет оспаривать свое право опеки. На работе у коллеги был такой случай. Я тогда очень испугалась, и этот страх сидит во мне до сих пор.

В общем, дочь знает о разводе. Но не о своем единокровном брате.

Я ей про него не сказала. Не смогла. Поняла, что такое предательство дочь просто не переживет.

Решила эту правду оставить тому, кто все это замутил. Почему я должна брать на себя его грехи? Почему я должна рушить мир дочери и открывать ей глаза на то, что она больше не единственная у папы? Почему?!

И я не стала. Не нашла в себе сил.

Может, сейчас она как-то о нем узнала и поэтому возненавидела Антона? Или дело в чем-то другом?

Я теряюсь в догадках и места себе не нахожу.

Понимаю, что самое простое - дождаться, когда Тая выйдет, и спросить все у нее самой. Но ее все нет и нет.

До ночи Таисия из своей спальни так и не выходит. Даже не идет умываться и чистить зубы перед сном, чего с ней просто не бывает. Она дисциплинирована и педантична до мозга костей. Даже я ей в этом уступаю. Могу иногда пойти на поводу у своей лени и пропустить вечерний ритуал подготовки ко сну, и тогда дочь берет на себя роль взрослого и мудрого и гонит меня в ванную.

А сегодня не в настроении?

Я жду долго, но не дожидаюсь. И уже почти в десять иду

еще раз ее проверить, и неожиданно ручка на двери поддается - не заперто.

Тихо вхожу в комнату - дочь сладко спит поверх покрывала в обнимку с большой пандой, которую ей подарил одноклассник.

Я снимаю с нее носочки и укрываю одеяльцем из шкафа.

Глаз цепляется за рамку, перевернутую фотографией вниз. Поднимаю ее и открываю от ужаса рот. На фото мы втроем во время посещения парка аттракционов. Неприлично счастливая Тая сидит у Антона на плече, я держу его под руку и с любовью смотрю на них, а не в кадр. Тот день был одним из счастливейших в нашей семейной истории и поэтому удостоено увековечивания в рамке.

Но сейчас лицо Антона грубо перечеркано черным фломастером. Вместо лица черная дыра.

Как же ненавидеть должна его Тая, чтобы сделать такое с фотографией.

Я задыхаюсь от посетившей меня догадки - а если он решит, что это я ее так настроила?..

О, Боже! Он же тогда заберет ее у меня!

Глава 8. Немужской поступок

- Костя, здравствуй, - постучав, вхожу в его кабинет.

Увидев меня, он сразу улыбается и встаёт мне навстречу из-за полированного директорского стола.

- Здравствуй, Полина. Рад, что ты зашла, раз на обед сходить пока не получается.

- Да, пока что-то никак, - губы растягиваются в виноватой улыбке.

В прошлый раз я все отменила из-за появления Воронцова и, пока он занимает все мои мысли, от походов с Константином воздерживаюсь. Просто не тем голова занята.

- Если честно, я по делу, - сажусь в удобное кресло, а он на кожаный диван рядом.

У нас в кабинете таких удобств нет. Но нам и некогда особо на диванах рассиживать.

- По делу? - переспрашивает удивлённо сдержанно. - Давай.

- Ты разбираешься в законах?

- Ну, у меня так-то юридическое образование, но смотря, в какой области. Как понимаешь, я больше по части бизнеса практикую. Договоры, просрочки, банкротство, ну и проверка сотрудников на вшивость. Тебе нужно кого-то проверить? - комично играет бровями.

- У меня другая область - семейные споры.

- Понятно, - тянет озадаченно. - Попробуем вспомнить что-нибудь из универа. Какие конкретно споры?

- Мне нужно знать, может ли муж обвинить меня в отказе предоставлять ему его право на общение с ребенком?

- А ты отказываешь? Извини, - тут же вставляет, выставив ладонь вперед. - Это не мое дело. Теоретически, конечно, может. Обвинять у нас можно кого угодно в чем угодно, лишь бы статья подходящая в Кодексе была. А на этот предмет статья как раз есть, шестьдесят шестая, если не ошибаюсь.

Достав телефон, он проверяет, набирая запрос в браузере.

- Да, все верно, шестьдесят шестая.

Пробегает ее глазами.

- Если прав своих на ребенка твой муж не лишен, то препятствовать их общению ты не должна. Но пока нет судебного решения на определение порядка осуществления родительских прав, что-то требовать он не вправе. Хотя нервы потрепать может, да.

- Как потрепать? - мне нужны подробности и частности.

Я хочу быть готова к любому развитию событий.

- Насколько я помню из теории, он может подать иск об определении места жительства ребенка и порядка его воспитания. Но это только через суд, и там много чего берется во внимание, включая и интересы, и желание самого ребенка. Ее желание ты учитываешь?

- Да! - киваю энергично.

- Тогда чего боишься?

- Что он захочет судиться со мной за единоличную опеку над ней или за проживание у него, а не у меня. Так ведь может?

- Может. Но, опять же, теоретически. А практически… - его рот искажает гримаса сомнения.

- Просто муж гораздо больше зарабатывает, имеет свое дело, то есть, более успешен, чем я, больше может ей дать. И живет в Европе, имеет свободный график в работе, а я занята полный день. В общем, я опасаюсь…

- В Европе? - вскидывается Костя. - У твоей дочери российский паспорт?

- Да, конечно.

- Тогда вообще без шансов, - усмехается. - Наша страна не разбрасывается гражданами без веского на то основания. Должны быть очень большие проблемы с тобой, чтобы суд лишил тебя права опеки и передал муда… мужику, который переехал в другую страну.

Его оговорка слегка смущает. Откуда взялось про мудака, если, понятное дело, о причине развода и новой семье Антона я ему не говорила. Мы не близкие друзья для таких откровений.

Или это чисто мужское осуждение за немужской поступок?

Но я отгоняю эту мысль - меня другое интересует:

- А какие проблемы?

Предпочитаю знать, откуда стоит ожидать нападения.

- Что-то связанное с угрозой жизни и здоровью ребенка. В конкретике я не силен, это надо у спецов спрашивать. А почему ты не обратилась в наш юридический? Наверняка хоть кто-то сможет помочь в вопросе.

- Я никого там не знаю, а к незнакомым как-то неудобно обращаться по личному делу.

- Так давай я тебя познакомлю, - легко предлагает он, явно не видя в этом никакой проблемы. - Они тебе все популярно объяснят, не по наитию и старым знаниям, а по букве закона.

- Давай позже. Если действительно будет повод для более подробной консультации. Сейчас информации мне достаточно, - улыбаюсь.

- Как скажешь. Если будут еще вопросы - обращайся.

- Обязательно, - обещаю и возвращаюсь на рабочее место.

- Полин, ты, что, телефон опять оставила? - встречает меня коллега, руководитель смежного отдела, чей стол стоит напротив моего.

Мы сидим, можно сказать, валетом.

- Да, он на зарядке. А что, звонил?

- Дважды и так по долгу не сбрасывали, что мне пришлось подходить, чтобы выключить звук - у меня зум с Китаем. Нифига не слышно из-за его трезвона, - предъявляет бурно, но без особого наезда, Наталья.

Я бы на ее месте наверняка тоже возмущалась.

- Прости, Наташ. Я сделаю потише.

В углу экрана мигает зеленый огонек - значит, зарядился, и я отключаю телефон от кабеля.

Проверяю список пропущенных - Воронцов.

Ну а кто еще такой настырный?..

Думаю, перезвонить ему или нет, и выбирать "нет". Сказать мне ему нечего. Кроме того, что дочь не хочет его видеть. Категорически и наотрез. До истерики и порчи фотографий. А эта новость из тех, что вполне может и подождать.

Да и разговаривать при коллегах не с руки - Воронцов может начать орать, а зачем мне выносить на всех наши скандалы?

Решено - позвоню из дома.

После работы забираю дочь с продленки - чаще ее забирает к себе бабушка или родители одноклассника Саши, живущие в соседнем подъезде, однако сегодня дочь осталась в школе, причем сама попросилась. Я удивилась, но после вчерашней вспышки спорить с ней не стала.

- Как прошел день? - спрашиваю в машине, пока едем до дома, и Тася охотно рассказывает, что они изучали, какую белочку рисовали и бабочку лепили.

Она выглядит спокойной и даже радостной - такой, будто и не помнит, что было вчера.

Я тоже радуюсь и неприятных разговоров не завожу.

Припарковав машину у соседнего подъезда, я забираю пакеты с продуктами с заднего сиденья. Тая сама отстегивается и вылезает из кресла. Хлопает дверью и щелкает ручкой для

запирания замков - я стою рядом, и ключ в моем кармане позволяет ей это сделать.

- Мам, а ужин скоро? Я очень голодная.

- У нас еще остался суп со вчера. Если хочешь его, то поешь сразу.

- Хочу, - кивает дочь и, опережая меня, вприпрыжку бежит к подъезду.

И застывает как вкопанная. Словно там стеклянная стена.

Я не вижу, что так на нее повлияло, и ускоряю шаг.

- Тася, - зову встревоженно, но тут же слышу другой голос:

- Привет, солнышко.

Глава 9. Подлюк

- Ты, что, моя хорошая, бабулюшку не узнала? - звучит тот же голос слегка обиженно.

- Бабушка Аня приехала! - оживает Таюша и бросается вперед, в объятия свекрови, чуть не сбивая ту с ног.

Память меня не подвела, и голос я верно определила.

- Здравствуйте, Анна Степановна, - приблизившись к ним, скованно улыбаюсь.

- Здравствуй, Полиночка, - Воронцова более щедра на улыбку.

Вытягивает руку, приглашая и меня присоединиться к обнимашкам. Я принимаю приглашение и, шагнув ближе, позволяю ей себя обнять - мои руки заняты, и я лишь касаюсь ее спины выставленным локтем.

У нас с ней нормальные отношения. Были…

Не как с моей мамой, конечно, но тоже очень теплые и, главное, уважительные.

Она, в отличие от своего сына, от внучки своей не отказалась. Приезжала и на день рождения тот единственный, злополучный, и еще раз или два. Чаще бывать у нас она не может, как и мы ездить к ней - свекровь живет в Тверской области, в пригороде города Торопец, и добираться оттуда непросто. Тем более не молодому уже человеку без машины.

Да и на машине ехать по трассе шесть часов, а Тая тяжело

переносит такие поездки, не может так долго сидеть привязанной в кресле, к тому же ее укачивает. Плюс мне не очень комфортно ездить в дом свекрови без Антона. Как бы хорошо она ко мне ни относилась, все же она мне чужой человек. Поэтому после развода мы с дочкой у нее ни разу не были. И она - гость нечастый, так что, получается, мы не виделись уже полгода точно.

Даже не созванивались.

Я лишь периодически отправляю ей в вотсапе фотографии Таськи с тренировок и праздников, школьные - общая рассылка бабушкам и деду. Свекровь отвечает сердечками или короткими умилительными фразами. Это все наше общение.

У меня была мысль отвезти к ней Таюшу летом на недельку, но свекровь появилась сама.

И я напрягаюсь из-за ее внезапного визита. Почему именно сейчас?..

Неужели ее Антон подослал? Хотя зачем ему? Он мог ведь явиться и сам. И, насколько помню, Анна Степановна плакалась мне в прошлый приезд, что сын и ее не балует вниманием. Забыл не только про дочь, но и про мать…

Но с тех пор прошло много времени. И сейчас, когда он вернулся, наверняка навестил ее. И вот она здесь…

Странно это все.

Совпадение? Не думаю.

- Бабулюшка, а ты мне пирожки привезла? - сходу требует

дочь и теребит Воронцову за большую хозяйственную сумку.

Она страшная любительница всего мучного, а я, к сожалению, не умею - и не люблю - возиться с тестом. Блины раз в год на Масленицу и оладьи по воскресеньям - мой максимум.

- Конечно, привезла. И беляши, и с картошкой, и с рыбой. Все, что ты любишь.

Пока она перечисляет, дочь блаженно закатывает глаза и, схватив бабушку за руку, скорее тащит к подъезду.

Я понимаю, что сейчас не время задавать свекрови свои вопросы. Придется подождать, пока Тая удовлетворит свой детский аппетит.

Пока они хозяйничают на кухне, я переодеваюсь, принимаю душ и присоединяюсь к ним. Поедая чай с пирожками под Таины восторги и рассказы про школу и друзей, сама мысленно готовлюсь к разговору. Скорее всего, неприятному.

- Анна Степановна, вы к нам просто так или по делу? - начинаю, когда моя девочка, постанывая от обжорства, практически выкатывается из-за стола в сторону своей комнаты.

Смягчаю вопрос улыбкой, насколько это возможно, но и ходить вокруг да около не хочу.

Вопрос слишком важный для меня. Как и ее ответ.

Все зависит от него. Я рада принимать свекровь в гостях, если она не сговорилась с сыном и не замышляет против меня какую-нибудь пакость. Если да, я ее немедленно выставлю. Вместе с пирожками.

- Просто так… - тянет Анна Степановна, явно озадаченная моим вопросом. - Какие у меня могут быть к вам дела? Я соскучилась по Тосеньке и приехала. Давно собиралась, а тут соседи так удачно поехали в Москву, у них машина новая большая, вот мне места и хватило.

- Соскучились?..

Свекровь выглядит такой искренней, что в ее словах трудно сомневаться и дальнейший допрос кажется бессмысленным, но я обязана узнать все.

- Не Антон Вас попросил навестить нас? Ничего Вам не поручал?

- Антон?! Ничего у меня не просил и не поручал. Я не разговаривала с ним уже очень давно. Как уехал в эту свою Чехию, он звонил пару раз и пропал, - в начале ее речи голос звучал твердо и возмущенно, а к концу стал срываться - ей тяжело дается такое наплевательское отношение со стороны единственного сына.

- Как?! - не могу я поверить. - Он к вам не приезжал?

- Нет. Ни разу, - опускает голову свекровь и как-то сразу сгорбливается.

Подойдя к ней, неловко обнимаю ее, чтобы как-то поддержать, утешить. У меня в голове не укладывается такое поведение Воронцова.

Вернуться в страну и даже не дать знать о себе матери. Как такое возможно?

И как сказать ей сейчас, что я виделась с ним совсем

недавно?

Но как не сказать?..

- Анна Степановна, - зову я, она поднимает на меня сухие покрасневшие глаза. - Антон сейчас в Москве. Я встречалась с ним пару дней назад. Он сказал, что хочет вернуться в семью и что ему нужно увидеться с дочерью. Я пока не ответила ему, и поэтому подумала… Подумала, что он Вас подослал.

Свекровь долго смотрит на меня, бегая глазами, потом поднимается со стула и спрашивает грозно:

- И что этому подлюку от Тоськи надо?!

Глава 10. Подачка

- Не знаю, - мяукаю в ответ испуганно и смотрю на свекровь неприлично вытаращенными глазами.

Подлюку? Это она о собственном сыне так?

Невероятно…

Никогда не слышала, чтобы она говорила о нем в таком тоне. Всегда Антоша да Антонушка - бесившее меня, кстати, - с обожанием и придыханием, а тут подлюк.

А эта фраза "что от Тоськи надо?" откуда взялась? Откуда уверенность, что ему что-то надо? И почему именно от Тоськи?

Одни вопросы…

Но ведь и сама я думаю так же. Тоже не верю в высокопарные речи бывшего мужа об осознании и желании вернуть семью. Воронцов утверждает, что скучал, при этом ни разу даже не позвонил и не написал. И, оказывается, не только нам, но и своей матери. Той, кто вырастила его. Одна!

- Это риторический вопрос, Поля. Понятное дело, что ты не знаешь.

- Но… почему вы думаете?.. - я не договариваю, она и так понимает все.

- А что еще мне думать? - горько отвечает Анна Степановна. - После того, как он втихаря продал нашу квартиру? Я переоформила ее на него еще до вашей свадьбы. Я тогда

замуж собиралась за одного человека, ну и перестраховалась - мало ли… А прошлой осенью приезжаю с дачи, корячусь с вещами, а в квартире уже живут другие люди.

- Как?.. - не верю я.

- Вот так бывает, Полиночка. Плохо я, видимо, Антошу воспитала, что он так и с вами поступил, и со мной. Вот и не верю я после этого в его добрые помыслы. Раз он появился, ему что-то нужно. Мне на глаза теперь боится показаться, стервец. Да и взять с меня нечего. Решил за вас взяться?

Свекровь буквально пышет гневом, очень близко к сердцу принимая свой рассказ и подлость сына. Я спрашиваю ее, чтобы отвлечь:

- А тот человек? За которого замуж собирались.

- Не дожил он до свадьбы, - сникнув, поджимает губы свекровь. - В аварию попал.

После этих слов в кухне повисает тишина - отвлекла, блин…

Я понимаю, что нужно что-то сказать, как-то утешить ее после этого трагичного рассказа. Но не могу подобрать слов. Лишь смотрю сочувственно.

- Да все нормально, Полина. Не надо меня жалеть. Переживем и это. Главное, что вы у меня есть.

Я улыбаюсь ей, и в этот момент в дверь звонят.

Переглянувшись, мы обе поднимаемся. Я иду к двери, вижу, что и Таюша вышла из комнаты - ей тоже любопытно.

В груди сразу начинает колотиться убыстренно и руки

противно потеют.

И, наверное, впервые в жизни - взрослой - я не открываю сразу дверь, а смотрю в глазок. Но там никого и ничего не видно, и тогда спрашиваю строго:

- Кто?

- Здравствуйте. Доставка, - раздается из-за двери бодрый молодой голос.

- Доставка чего? - уточняю, одновременно распахивая дверь.

- Цветы и игрушка, - парень в форме радостно сует мне в руки букет и плюшевого медведя.

Мне не нужно спрашивать, чтобы понять, от кого эти подношения. Кандидат на подобный прогиб всего один.

Задобрить нас решил?

По советской классике - дитям мороженое, бабе цветы?

Я отдергиваю руки, не беря у него ни букет, ни игрушку.

Он смотрит с удивлением, так и зависнув с вытянутыми руками.

- Нам это не нужно. Вы ошиблись.

- Не ошибся. Адрес верный, я проверил, - упрямо говорит он.

- Все равно не нужно.

- А куда я это дену? За все заплачено.

- Своей семье заберите.

- Нет у меня семьи! - парень возмущен и вновь пытается всучить мне эти подарки дьявола.

- Мама, дай мне, - раздается сзади голос дочери, и я оборачиваюсь.

Тая, очень серьезная и хмурая, с горящими щеками, подходит ближе и забирает у доставщика медведя.

- Спасибо, - произносит бесцветно, возвращаясь к себе.

- Спасибо.

Мне ничего не остается, как забрать у него букет. Расписываюсь в получении и закрываю за ним дверь.

Войдя в кухню, протягиваю цветы - красивые, кстати, необычные - свекрови.

- Это же не мне.

- Вы их заслужили. Вы мать. Он просто не знал, что вы тут, а то бы прислал. Я уверена.

Конечно, я не уверена ни в чем, но понимаю, что так правильно. Единственно правильно.

Я просто бывшая жена, никто, а она - его мать. И именно ей он должен дарить цветы.

А мне ничего дарить не надо.

Не оценю и не приму.

Кладу букет рядом с ней на край стола.

- Спасибо, Полиночка. Но мне таких подачек не надо.

- Это не подачка, я… - заливаюсь густо краской.

- Да я не про тебя! Про дурака своего.

- Мм… - понимающе мычу в ответ.

- В записке-то что? - кивает на белый квадратик, торчащий из цветов.

- Не знаю, - пожимаю плечами. - Открывать не буду.

- Может, я посмотрю?

- Если хотите, - снова пожимаю плечами - равнодушно.

Мне действительно все равно. Я не хочу знать, что там. Но мне и не жалко, если узнает она.

Анна Степановна берет в руки открытку, осторожно, двумя пальцами, будто опасается, что бумага пропитана ядом, и, отставив подальше от глаз - зрение уже не то, - читает послание.

Не вслух.

Закрыв, рвет на мелкие части и, подойдя к раковине, бросает в мусорное ведро в шкафу под ней.

И с каменным лицом щелкает кнопкой включения чайника.

- Налить тебе свежего чая, Полин? Этот уже остыл.

Я киваю, и она забирает обе наши кружки, выливает остатки чая в раковину.

Содержанием записки не делится, и меня это устраивает. Я же не хотела знать? Вот и не узнаю.

Утром у Таськи обнаруживается расстройство желудка - не удивительно после такого количества пирожков... Я даю ей таблетки и оставляю заботам бабушки, а на работу уезжаю одна.

Выйдя из подъезда, бодрым шагом топаю к машине, когда мое периферийное зрение цепляется за нечто инородное на вечнозеленом - кроме зимы - газончике под окнами. Оста-

новившись, оборачиваюсь, чтобы посмотреть, что это, и застываю - на короткой, аккуратно подстриженной траве распластался вчерашний Тасин медведь.

Не приняла дочь подарка.

Как и я.

Глава 11. Договор

"Что же было в той записке?" эта мысль атакует меня все чаще, и я жалею, что пошла на поводу у резкости в ущерб мудрости.

Я говорю себе, что мне неинтересно, что там написал этот предатель, но мантра не работает.

Я не хочу знать, если там какая-то ерунда про "Прости-пусти", пусть засунет ее себе в… самые труднодоступные места.

Но, если что-то другое… Знать бы не помешало.

Я утешаю себя тем, что свекровь сказала бы мне, будь в открытке что-то заслуживающее внимания. Хоть мы так не договаривались, но она - женщина разумная и поняла бы все без договоренностей.

Кстати, о свекрови.

Запустив очередной отчет, набираю номер Анны Степановны, чтобы спросить, как себя чувствует Тася.

- Уже намного лучше, не беспокойся. Сидит над уроками, что-то рисует. Собирается вечером на тренировку.

- Про тренировку подумаю. Может, стоит пропустить сегодня…

- Это сами решайте. Мне лучше скажи, что приготовить на ужин. Ты не возражаешь против борща?

- Борща? Нет, конечно, не возражаю. Совсем наоборот.

Очень-очень давно его не ела.

- Отлично. Для Тоськи тоже супчик сейчас полезнее.

- Да, не давайте ей больше пирожки, - напоминаю я запоздало.

- Да уж сообразила я, - фыркает Воронцова.

Мать Антона всегда была прямолинейной.

- Тогда до вечера, - прощаюсь я и собираюсь вернуться к работе, но телефон звонит.

Опускаю взгляд - муж… В смысле, бывший муж.

Поколебавшись пару секунд, на звонок все же решаю ответить. Бегать от него - не выход, хоть и говорить с ним мне не о чем.

Из кабинета не выхожу, так как коллега отсутствует.

- Чего тебе, Воронцов? - спрашиваю вместо приветствия.

- Хочу увидеться с тобой. С тобой и Тасей, - сходу напирает он.

Тоже ни "здрасьте", ни… "привет".

- Антон, я еще в прошлый раз тебе сказала, что ничего не выйдет. Не звони мне, - я напускаю металла в голос, чтобы звучать убедительнее, но ему по барабану мой металл.

- Я имею право видеть свою дочь, - продолжает настаивать Антон, но как-то мягко, без обычных категоричных ноток в голосе во всем правого человека.

Удивительно.

- Я не оспариваю это твое право. Но у Таисии оно тоже есть, и она… не хочет тебя видеть.

Признание дается мне с трудом. Я знаю, чем это может обернуться для меня. Знаю, что, если муж поставит себе целью добиться встречи, то может с легкостью обойти меня. Просто заявив на меня за препятствие его общению с ребенком. И я не смогу просто ответить, что не препятствую, мне придется доказывать это. В суде.

И хоть, скорее всего, я смогу оправдаться - объективные факты далеко не на его стороне и Тася расскажет свою версию, - но мне хотелось бы избежать процесса. И участия дочери в нем.

Это не полезно для ребенка.

- Я пыталась с ней поговорить, но она категорически против. Что еще я могу сделать?

- Ты получила мои цветы? - отвечает он вопросом на вопрос.

- Ты зря их послал. И цветы, и игрушку.

- Я хочу увидеть дочь.

- Ты это уже говорил, Антон, - не скрываю я раздражения от повторения одного и того же. - Я не могу ее заставлять. Когда я сказала ей о тебе, у нее была истерика со слезами. А твоего медведя я сегодня утром нашла на газоне у подъезда - Тая выбросила его в окно.

- Она не могла так сделать, - возражает, не веря, Воронцов.

- Я тоже так думала, - признаюсь ему честно. - Но, согласись, ты сделал очень много для того, чтобы она так к тебе относилась.

- Может, это ты сделала много…? - начинает он наезжать, но обрывает фразу.

Видимо, тормозит себя.

Гасит естественные для него порывы грубости и авторитарности, когда только его мнение важно и единственно правильно.

И такое уже не в первый раз.

Что это с ним? Откуда такая покладистость и мягкость? Почему?

Ему как будто, действительно, очень нужно помириться. Он готов наступать себе на горло, только чтобы не ссориться со мной.

- Я прошу тебя, Полина, позволь мне встретиться с дочерью и поговорить с ней. Я уверен, что смогу разрушить барьер, который вырос между нами за время моего отсутствия. Она же любит меня, ты знаешь.

- Подожди, уточню - ты имеешь в виду, то время, на которое ты бросил нас? - не удерживаюсь от язвительности.

- Да, - неожиданно признает он, вновь удивляя меня. - Да, я бросил, но я все осознал и хочу все исправить. Хочу, чтобы мы снова стали семьей.

- Ты шутишь! - не верю я, что он это говорит серьезно.

- Нисколько, - уверенно оспаривает он. Слишком уверенно. - Более того, наше воссоединение и в твоих интересах тоже. В твоих руках сделать так, чтобы не стало поздно.

- Поздно для чего? - я вскакиваю с кресла, и оно, откатив-

шись, ударяется об стену. - Ты угрожаешь мне, Воронцов?

- Всего лишь предупреждаю. Скажи Тасе, что вечером я приду к вам. Или не говори. Я все равно приду.

- А давай! Приходи! - запальчиво соглашаюсь. - Заодно поговоришь со своей матерью. У нее к тебе тоже куча вопросов.

Разозлившись, я бросаю трубку, больше не слушая, что он мне скажет.

Это просто бессмысленно. Пустая трата энергии.

Если Антон решил прийти, я не остановлю его.

Если не открою дверь, он вызовет полицию, вооружившись подписанным мной соглашением о порядке осуществления родительских прав. И, кроме скандала, я ничего не добьюсь.

Просто нужно сделать так, чтобы Таюша была готова к его визиту. Но как?..

Вновь садясь в кресло, придвигаюсь столу - отчет давно сформировался, - но сохранить его в эксель не дает всплывающее окно с сообщением о входящем письме на личную почту.

Щелкаю по уведомлению и попадаю в письмо.

Это уведомление об исчисленном налоге на доход по договору дарения ста процентов доли в ООО "Пивберри" и требование к его уплате до пятнадцатого июля.

Ничего не понимая, я перечитываю письмо несколько раз. "Пивберри" - это же компания Воронцова, которая осталась

за ним после развода. Та самая, у которой контракты с Чешскими производителями.

Он, что, мне ее подарил?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.